

ВРЕМЕНА ГОДА

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ
РОССИИ

© Коллектив современных авторов:
Литературный альманах «Времена года».
Выпущено под патронажем
Содружества литераторов России
Международной гильдии писателей
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

Германия: stella 2025; 94 стр.
Все права защищены.
Редактор-составитель: Л. Баумгартен.
© Дизайн: В. Цветков.

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-399-4

Verlag „STELLA“
Deutschland
2025

ВРЕМЕНА ГОДА

Дорогие друзья!

Перед вами сборник поистине уникальный! В последние годы писатели отзываются о происходящих в мире событиях гражданской поэзией и прозой, и совсем мало – поэзией о родном крае. Именно поэтому мы и попросили желающих создать произведения, вдохновившись видом из окна, путешествием или своим собственным ощущением прекрасного.

Авторов-победителей Литературного конкурса «Время года» много. И все они разные. Они признаются в любви родным городам и деревням, любимой скамейке на улице или букету роз, подаренному любимым в осеннюю пору. Авторы талантливы и самобытны, любят родную природу и уважают отчий дом. Их образы, сложные или простые, создают незабываемый эмоциональный настрой, о котором мы уже и забыли. Многие авторы очень точно, ясно и превосходным поэтическим языком рисуют узнаваемые и выразительные картины садов и полей, городских скверов, крошечных садиков на кухне. Эти образы помогают нам понять как самих себя, так и более четко выразить другие, большие и сложные чувства. Единство с природой, временами года завещано поколениям классиками русской поэзии. И традиции эти, как мы видим, живут с нами.

*Ответственный секретарь
Содружества литераторов
России Светлана Романова*

Да, непроста тема...

Тема литературного конкурса «Времена года» не так проста, как может показаться на первый взгляд. Особенно для поэтов, впрочем, и для прозаиков тоже. Очень нелегко здесь избежать сходства с записками фенолога... Для меня особенно интересными были те работы, в которых авторам удалось создать настроение описываемого времени года. Когда в тексте нет слова «зима», но становится зябко, нет слова «лето», но ощущается июльский зной. Вот, например, как у москвича Константи́на Белого:

*Мысли набекрень.
Бесконечный день.
Город ищет тень,
Умирать не хочет.
Стонет, но живёт,
Из фонтанов пьёт,
Медленно ползёт
К вожделенной ночи.*

Работ на конкурс оказалось прислано много, было из чего выбирать, чтобы похвалить и порадоваться – как много у нас талантливых людей! Бывало, что на некоторых стихах хотелось задержаться, перечитать вновь. Задуматься. Погрустить. Вот несколько строк поэта Дмитрия Трушникова:

*А что, если снег – это души людей,
Что решили на землю вернуться?*

*Чтоб увидеть родных и растущих детей,
В лица белой снежинкой уткнуться.*

Прозаических произведений на конкурс прислали много меньше, чем стихов. Может, от того, что величие времён года настраивает на поэтический лад? А прозаики (хорошие прозаики!) склонны к размышлениям, и подчас будто угадывают твои собственные мысли. У Елены Сафиуллиной в коротком рассказе «Запахи» есть строки о грядущей скоро зиме:

«А зима пахнет смертью. Морозом, какими-то деревенскими волчьими кошмарами, тьмой непроглядной... Так и ты – весь вымерз, высох до звона и хруста – не сломаться бы. И надо пережить ее, зиму эту окаянную, злую. Пережить, чтобы однажды отряхнуться от шерсти зимы, и со слезами на глазах понять – она ушла! Долой приторные новогодние безделушки, долой сонные телевизионные вечера, долой хандру и скуку! Жизнь рождается! И как же хочется все отмыть-оттереть от этой зимней стужи и впустить в сияющие окна солнце, ветер, крики птиц, и... запахи. И каждый вдох – приступ головокружения, и не надыхаться...»

Да, непроста тема «Времена года», как непроста и одновременно прекрасна наша жизнь. И как хорошо, что мы умеем это видеть.

*Писатель, член жюри
Елена Ханен*

Всем добра и мирного неба!

Хочу выразить глубокую признательность всем участникам конкурса за потрясающие работы. Каждый из авторов смог виртуозно донести свои мысли и чувства о временах года. Ваши произведения вдохновляли нас (судей и читателей в одном лице) на новые переживания и размышления. А какие-то эпитеты, метафоры, катрены и обороты настолько врезались в сердца, что и сегодня вспоминаются сами собой, когда порой *«С учтивостью заботливого брата мне ветер вдруг касается плеча...»*

О том, кто может оказаться среди авторов, мы – судьи – конечно же, не знали, так как для объективности судили вслепую – по номерам. Но по произведениям догадывались, что среди авторов были как искусно играющие словами, уже известные мастера слова, так и восходящие звезды литературы, работы которых демонстрировали и свежие уникальные стили и направления, и новые неповторимые ракурсы и взгляды на мир:

*Это же солнце видели все короли;
В этих лучах на Олимп восходили боги!*

Произведения отражали как великолепие и разнообразие времен года, так и величину души каждого создателя. Поэтому нам – судьям – было невероятно сложно выбирать лучших из лучших на каждом этапе.

Но мы справились.

И теперь даже немного жаль, что конкурс подошел к концу.

*Лучи уходящего лета...
Как хочется их удержать.
И в струйках летящего Света
Любить и мечтать, и дышать.*

Спасибо вам, дорогие литераторы, за вашу страсть и преданность искусству слова. И за то, что делитесь с миром своими произведениями, несомненно делая его лучше.

В наше непростое время стрессов, перемен, трудностей и вызовов ваши произведения становятся настоящими лучами света, тепла, утешения и любви.

*Поговори с зимой, лица не пряча,
...
Упрёки на губах останови.
Зима имеет чёткую задачу
И состоит на службе у любви...*

Так же хочу выразить благодарность организаторам конкурса, которые сделали все возможное, чтобы каждый творец смог продемонстрировать свой талант и получить заслуженное признание.

Желаю всем огромных успехов на литературном поприще. Славы. Любви. Добра и Мирного неба!

*Писатель, член жюри
Нелли Бородянская*

*Зима пробуждает аппетит.
Пока на улицах лежит снег,
шоколадное пирожное – лучшее лекарство.*

Эрих Мария Ремарк

ЗИМА

ПОЛИНА ЯРЫГИНА

Пока на душе скребут беспризорные кошки,
Улица нервно стонет собачьим лаем.
Прячусь от холода, словно охранник в сторожке,
Стопку газет подпирая ромашковым чаем.
Скоро уляжется снег ни первый, ни третий,
Тот, что уже не растает вплоть до апреля.
Моё дыханье, сплетённое из междометий,
Ляжет облаком пара на лапы елей.

Опять уповаю на смену сезонов, погоды...
Значит ли это, что в прочем надежды нету?
Страстно гоню старый к новому году,
Вновь превращая свой марафон в эстафету.
А всё-таки верится: будут звучать по-другому
Улицы, разбелённые в шумных метелях,
Кошки задремлют, сочтя мою душу домом...
Поэтому я подгоняю снега и время.

Зима меня после окрестит неблагодарной.
Едва соседи выдворят ёлки за двери,
Рассеется мандариновый запах... Обратно
Захочется солнца и видеть нагую землю,
Шептать: «Когда прилетят звенеть жаворо́нки?»,
Затем считать деньки до июня азартно...
А надо бы себя за рукав одёрнуть
И крепко подумать: не будет нового старта.

Февральское солнце

Февральское солнце качается ёлочным шаром,
Матово-розовым с белым налётом инея.
Трубы домов стремятся бессмысленным паром
К нему одному, превращаясь в перо гусиное.
Плывущие рядом в реке голубого неба,
Зовущие вдаль размышления долгой ночи.
Нехватка в крови весны или, может быть, лета
Сводит с ума ненавязчиво, между прочим.
Февральское солнце, как донце пустого стакана;
Глаз, поражённый бельмом, болезненный, мутный.
В чистый блокнот я себе его зарисовала,
Чтобы сильнее впиваться в жаркое утро.

Каждое утро я просыпаюсь слепой:
День простирается белым пятном по карте.
Сломанный компас меня не приводит домой.
Ночь пережив, я снова стою на старте.
Это же солнце видели все короли;
В этих лучах на Олимп восходили боги!
Я же стою на шатком, высоком пороге
Двадцать седьмой неизведанной долгой зимы...
Ветер целует дерзко и в губы, и в лоб,
Сбивает и ловит, сбивает и ловит в объятья.
След застывает подошвой моих сапог...
Коробка с мечтами забыта под старой кроватью.
Снежная тьма. Дрейфуют дома-корабли.
Метель оцетинилась, воеет, ревет белугой.
И сколько бы ноги сегодня мои ни прошли,
Мне кажется, я просто блуждаю по кругу.

МАРИНА ЧЕЛАУКИНА

Первый снег

Зима приходит службой «ноль-один»
По вызову всеведущей природы,
Неяркими оттенками свободы
Сквозь прорези космических гардин,
Вытягивая через дымоходы
Причины наших споров и седин.
Как милосердна ранняя зима
С уютным ощущением причала!
Поёт душа, что ранее молчала,
Петлявшая дорога вновь пряма.
Всё кажется начавшимся сначала
В подобном состоянии ума.
И мы стучим в свои календари,
Твердим, что год закончили «без троек»,
Глядимся из заснеженных построек
В грядущее, застывшее в двери,
Где снова сброс до заводских настроек
Нам видится снаружи и внутри.
О поиск постоянства под луной!
Никчёмный страх внезапных ощущений.
Что может быть нужнее и священной
И мне дороже пользой и ценой
Таинственных волшебных превращений,
Происходящих с миром и со мной?
Мы подняты падением снегов,
И радостно в юдоли полусонной
Идти об руку с мыслью обновлённой
И совестью – рекой без берегов,

И понимать душой новорождённой
Всё то, что недоступно для мозгов.
Протянутую нить не оборви,
Поговори с зимой, лица не пряча,
Пойми свою внезапную удачу,
Упрёки на губах останови.
Зима имеет чёткую задачу
И состоит на службе у любви.

Внезапная радость снега,
Смеясь, охватила воздух.
Салюты, спускаясь с неба,
Под ноги кидают звёзды.
В сияющей звездной пыли –
Улыбки домов счастливых.
Летят облака ванили,
Глазури и взбитых сливок.
На юг улетаая, тая,
Отчаянно хлопнув дверью,
Крылатая птичья стая
Кидает на землю перья.
Рубашки берёз узорных
Надеты на голое тело.
Затянутый ход чёрных
Сменяется ходом белых.

ЛЮБОВЬ МЕНЧИКОВА

Снегопад

Снег нежнее мармелада,
Снегопаду много надо
Улиц, крыш, людей, мостов.
Снег пошел и падал-падал,
Падал-падал, укрывая,
Украшая, утепляя,
Вдохновляя, заполняя
Биографию кустов.
Погулять по крышам вышел
И, устав, прилег на крыши,
Тихо падал – не услышат
И коты, и мышь на крыше
Зимней сказки холодов.

Растворил дома и небо,
Вот он был и вот он не был,
Только окон дружный хор
На фасаде нарисован,
Разлинеен, разлинован,
И сосульками окован,
Происшествием взволнован
Снега нежного убор,
Конкуренту листопада,
Звездопада, водопада
Слышен каждого фасада
Музыкальный перебор,
Снегопадова прохлада,
Наивысшая награда,
Снег – вчерашняя отрада –
Город ластиком затер.

Над городом летает снег

Над городом летает снег,
Он ищет пристань и ночлег,
Найдет – не знает,
Снег как из прошлого побег,
Как мимолетный оберег,
Лета́ и ле́та замечает.

Над городом летает дым,
Прикосновением любим
Он сны от яви отделяет,
Поспорит с облаком седым,
С дождем и ветром ледяным,
И в нем растает.

Всему отмерен век и срок,
И диалог, и монолог
Исчезнут с дымом,
Как го́лоса негромкий слог
В стихах и то, что между строк
Невыразимо.

Над городом идут года,
И в нем живет сама судьба
Стихотворений.
Без остановок поезда
Уходят, и течет вода
В другое время.

ВАЛЕРИЙ МАЗМАНЯН

И в снах остаются не зимы, а вёсны

Настольную лампу включи – и два кресла,
шкафы, и их тени из мрака воскреснут,
надеждой пустой, оправданием, ложью
бессонная ночь мою душу тревожит.

Приляжешь – комками в ногах одеяло,
одних покаяний для прошлого мало,
холодная мгла за окном тяжелеет,
напрасные вздохи – цена сожалений.

А в памяти шум, как на людном вокзале...
расстались и главное мы не сказали,
что в море житейском ты – парус, я – вёсла,
и в снах остаются не зимы, а вёсны.

Но я ещё не ведаю, что вы – моя бессонница

Сугробы дремлют тучные,
под снегом ветка хрустнула,
припомнитесь по случаю
в мою минуту грустную.

Ещё декада минула,
луна уже в три четверти,
зима – пора унылая
холодным длинным вечером.

Глаза закроешь – прошлое
шумит в душе вокзалами,
осталось – всё хорошее
и слово запоздалое.

С печалью справлюсь, с бедами,
и лёд на речке тронется...
но я ещё не ведаю,
что вы – моя бессонница.

Снежинкой мотылёк воскрес

Штрихует ветками калина
оконный сумрак по косо́й,
а если бы ты позвонила,
я в ночь бы кинулся босой.

Сугроб разлётся тушей гладкой
и спит себе спокойным сном,
с бессонницей играю в прятки
и прячусь от тебя в былом.

А припозднившийся прохожий
за тенью собственной спешит,
весь путь – от истины расхожей
до мудрости своей души.

Влюблённый верит, знают дети,
что наша жизнь полна чудес...
снежинкой – вдруг в фонарном свете –
сгоревший мотылёк воскрес.

ВЛАДИСЛАВ ЩЕРБАК**Придворная ёлка**

К майским моя молодая семья переехала в свой небольшой, не новый, но вполне ещё крепкий дом, который перепал по наследству. Лето ушло на восстановление сада. Как всегда, внезапно подступил Новый год – первый в этом доме. И тут в заботах я упустил, что по штату положена ёлка. На участке росла сосна, но на ветки под небесами и воробьи-то боялись садиться. Тащить дерево из города глупо – в полукилометре лес. И направился я туда за ёлкой, прям, как орёл-мужчина в известном мультике.

Лес я люблю с детства, но в этот раз для полноты очарования не хватало всего-то пары лыж – зима задалась снежная. Места я разведать не успел. Брёл я, как лось по болоту, благо в валенках. Нашёл ельник, но деревья там были под стать моей сосне. И всё же приглядел ёлку, до разлапистой нижней ветви которой было всего метра четыре. Медведь из меня так себе, и в первый заход я сполз и ободрал подбородок. Потом вцепился в ствол, как клещ в ёжика, и дополз, и спилил, и вернулся с добычей.

А дома детёныш все глазёнки проглядел в окошко: где там папку с ёлкой носит? Занёс я зелёное опахало в сарай и ничего другого не придумал, кроме как вогнать в припасённую крестовину черенок от лопаты и примотать к нему изолентой обрезки веток. Ёлка получилась красивой, но неестественно пушистой. В доме я водрузил её в угол детской комнаты. Без особых потерь этот маяк Нового года простоял аж дня три, после чего рассыпался на мириады иголок. Выметали их до Первомая.

...И я ещё раз ходил за ёлочкой, но это было даже не весной, а уже летом. И не один, а с сыном ёлководом и охраной – нашим псом-«дворянином». Лес я уже огядел, и вскоре мы нашли колючую поросль. Ёлку выбирал сын, на лету отменяя любую дисгармонию. Вскоре мы возвращались с добычей: я с ёлочкой в мешке, детёныш с сапёрной лопаткой и пёс налегке, важно помахивая хвостом – с охоты же!

Посадили ель на полянку недалеко от калитки, в теньке, при дворе. К зиме «жиличка» окрепла и превратилась в статное маленькое деревце. Я радовался больше всех – на долгие годы был застрахован от походов в зимний лес! Покупать пластиковый эрзац у нас считалось моветоном. Приближался Новый год. Сын для праздника списал морально устаревшие игрушки; я оклеил их золотянками. Получилось лучше, чем в Простоквашино!

...Часа за три до боя курантов «электричество кончилось» – нувориши на своих участках устроили такой Лас-Вегас, что на подстанции сгорел рубильник. Первой идеей было: уложить оливье в ведёрко, нарядиться в пилигримов и ломиться в тёщину городскую квартиру. А потом подумали – в доме вода, газовое отопление, часы и пожарная сигнализация, а в чулане свечи!

Сын был очарован новогодней сказкой с настоящими огоньками! Открытием для него стало то, что у нас есть аккордеон – ещё трофейный, от прадеда, – и папа на нём умел играть! Инструмент волшебным образом бликовал от свечей алым перламутром. «Впервые на арене цирка» мама... да ладно мама, но ещё и бабушка, – продемонстрировали своё мастерство в народных плясках и ведении хороводов! Такой залихватский экспромт не ожидал никто. На действо изумленно пялился кот, которого, как реквизит, пе-

риодически привлекали к танцам и пению с табурета. Всё вертелось и ходило ходуном, будто в одиноком звездолёте среди мерцающего космоса...

Но тут из окружающего мира ворвался трелью телефон. Чуть погодя зажегся свет, отодвинув волшебство и вернув комнатам привычные контуры. Включили телевизор, накрыли на стол... Но задор не отпускал! Тем более что утром к новой ёлочке Дед Мороз должен был доставить подарки. Сын даже попросил оставить открытой калитку, чтобы почтенный дедуля не корячился через двухметровый забор.

...Замок на двери дома был тутим, да и подвешен высоко. Поэтому 1-го января ранним утром сыну пришлось вломиться в спальню к родителям. Причём впервые самостоятельно одетым! Мама принялась исправлять огрехи дебюта. А глава семейства устремился «исправлять косяки» Деда Мороза. В сенях из-под рогожки я взял сумку с подарками, метёлку... и рванул быстроногим оленем к калитке в чём был – в труселях и тапках.

Вылетел на сонную улицу, от дороги протоптал следы через калитку к ёлке, где поставил подарок, потом, пытаясь, замел следы до двери – сын рос дотошным; прабабка его даже Прокурором дразнила. Из будки на меня смотрел обалдевший пёс. Я всё успел! Едва в сенях прикурил сигарету, как маленький полярник вышел из тепла дома и отправился в новогоднюю экспедицию.

Я же передумал курить и кинулся к батарее – при минус двадцать в неглиже как-то неудобно. Из окна глянул на милое зрелище: как сын, пыхтя, но не сдаваясь, волоком тащит огромный баул. Пришлось снова охладиться, чтобы помочь «бурлаку» преодолеть ступеньки. Разделся он быстрее, чем новобранец, и достал из сумки огромную

игрушечную парковку. Её потом помог собрать Папа Всемогущий. Новый год у всех явно задался!

...С каждым годом ёлка подрастала. Однажды под ней даже велосипед уместился! Второму сыну оставалось лишь вникать в тонкости отлаженного волшебного процесса. Сначала на ёлку нужно было развесить старые игрушки: оклеить мишурой всяких отстойных пластиковых зайчиков, сделать «предпродажную подготовку» недобитых машинок, соорудить всякие домики из картона и прочее. В обмен на эту рухлядь белобородый дед, который развлекал на утреннике в детском саду, почему-то приходил ещё и ночью! Клал под ёлку у калитки новые подарки и уходил, даже без чая! А подарки можно было заказать, накалякав какие-то закорючки, ну и надиктовать папе. Теперь в первый день года дети к ёлке шли вдвоём, сцепившись за руки, чтобы кое-кто нетерпеливый не рванул вперёд.

...Даже когда разобрались с Дедом Морозом, традицию оставили. Благодарная ёлка по-прежнему прятала под хвою подарки. Однажды весной снять с дерева игрушки было некогда, и ель рванула вверх вместе с бутафорией. Да так, что со стремянки было не снять! Получился праздник на весь год. Немного погодя ёлка стала цеплять телефонные провода, заслонила колючими ветвями проход к калитке и дала мощную тень. Как не печально, но пришлось... Остался лишь пень да щекотные приятные воспоминания.

АНАСТАСИЯ МАРТЮШЕВА

«Чем хороша Зима?»

(сказка)

Как-то раз, проснувшись рано утром, Весна отправилась на прогулку. До конца зимы оставалось целых две недели, всем ещё управляла Зима, а Весна пока была свободна ото всех забот. Вот и решила она прогуляться по зимнему лесу, посмотреть – что вокруг делается...

Гуляла Весна, гуляла, любовалась заснеженными деревьями, рассматривала причудливые узоры на снегу. Вдыхала чистый, морозный воздух и вдруг услышала: плачет кто-то, всхлипывает. Пошла Весна на звук и увидела: посреди заметённой снежным одеялом полянки, на пенёчке сидит Зима и горько-горько плачет.

– Что случилось, сестрица? – забеспокоилась Весна.

– Меня никто не любит, – пожаловалась Зима. – Все вокруг только и ждут, когда я уйду...

– С чего ты взяла? – Весна погладила заплаканную сестрицу по плечу.

– Сама не раз слышала, – не удержавшись, Зима громко всхлипнула. – Да и замечать стала... Когда правишь ты, сестрица, цветочки распускаются, птички щебечут, ручейки бегут – так легко и весело на душе делается. Летом столько тепла и света, что рады все: и люди, и зверьки, и растения. Осенью урожаи поспевают, листопад шуршит. А у меня ничего нет, только холод и вьюга. Кому это может понравиться?

Задумалась Весна, огляделась по сторонам и сказала:

– Разве сейчас есть только холод и вьюга? Посмотри-ка вокруг! Разве ты ничего не видишь?

– Снег, – вздохнула Зима. – Он холодный, и в нём вязнут ноги.

– Да уж, – в свою очередь вздохнула Весна. – Видеть-то ты видишь, да вот заметить никак не можешь... Или не хочешь?

– Хочу! – с жаром ответила Зима. – Я очень хочу заметить в моём времени хоть что-нибудь красивое и интересное.

– Тогда пойдём, – решительно сказала Весна. – Вместе мы обязательно отыщем много красивого и интересного!

Весна долго водила Зиму по лесу, выбирая самые красивые места. Показала ей и заснеженные полянки, на которых снег блестел и переливался будто россыпи самоцветов, и нарядившиеся в кружевные наряды ели, и припорошенные белой «крупой» величественные сосны. Как ни старалась Весна – всё было без толку. Зима упрямо твердила о красоте летних цветов и осенних листопадов, о том, что всё увиденное сейчас не идёт ни в какое сравнение с цветущей сиренью и весенней капелью. Объясняя это, Зима снова чуть не расплакалась. Но Весна не сдавалась. Она твёрдо решила, что объяснит, покажет сестрице всю прелесть и ценность доверенного ей времени года. С трудом Весна уговорила Зиму продолжить их прогулку и на этот раз повела сестрицу в другую часть леса – ту, что поближе к деревне.

Шли они по лесной тропинке и вдруг услышали – совсем рядом поскрипывает снежок, будто кто-то на лыжах мчится. Оглянулась Весна и увидела, как за деревьями промелькнула яркая куртка лыжника. Спустя пару мгновений сёстры увидели и самого лыжника: улыбающегося дедушку, который бодро работал лыжными палками.

Дедушка промчался мимо них и скрылся за раскидистой нарядной елью. Не прошло и минуты, как с горки скатился ещё один лыжник – тоже немолодой, с седой бородой, чем-то похожий на деда Мороза или волшебника из сказок.

– Пётр Петрович, ты куда так разогнался? – захохотал второй лыжник. – Я же не успеваю!

– Вот видишь! Я же говорила... – с трудом сдерживая улыбку, сказала Весна и поглядела на Зиму. – По-твоему, эти лыжники не любят зиму? И считают ее скучным и ненужным временем года?

– Я не знаю, – пробормотала та. – Но выглядели они счастливыми. Кажется, им нравится кататься на лыжах, и снег их не пугает.

«Отлично! – обрадовалась Весна. – Кажется, лёд тронулся... Вот бы нам встретить ещё хотя бы одного человека, которого не тяготит зимний период. Тогда Зима наверняка поймёт, как она хороша!»

Зима по-прежнему выглядела растерянной, но, как отметила Весна, заметно повеселела после встречи с лыжниками.

Пошли Весна и Зима дальше и вышли на пригорок. Отсюда деревня была видна как на ладони. У одного маленького, потемневшего от времени домика резвились ребята. Девчонки и мальчишки играли в снежки, лазали по сугробам, толкались и с хохотом падали в снег. Кто-то делал «снежного ангела», кто-то лепил снеговика. Но все ребята выглядели такими счастливыми, что Весна невольно улыбнулась. Да и Зима не удержалась – тоже улыбнулась.

– Вот видишь, сколько радости приносит детям зима! – сказала Весна. – Дети и взрослые придумали столько игр и забав, что скучать и грустить зимой просто некогда!

– Да-а, – протянула Зима. – Я и подумать не могла...

– А пойдём ко мне, попьём чай с печеньем? – весело предложила Весна. – Кстати, возможность согреться горячим чаем после зимней прогулки – это ещё одна зимняя радость.

Зима с сестрицей подошли к выкрашенному светло-голубой краской домику, в котором жила Весна, когда увидели необычную картину. Чуть в стороне от тропинки, утопая в мягком снегу, стоял художник. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: это самый настоящий художник! Во-первых, у него на шее был повязан длинный шарф, а на голове красовался бардовый берет. А, во-вторых, мужчина стоял за мольбертом, старательно изображая что-то на холсте. Время от времени отрывался от своего занятия и смотрел вдаль, на заснеженные деревья.

– Как думаешь, что он рисует? – спросила Зима.

– Я думаю, он пишет картину, изображает заснеженный лес! – улыбаясь, ответила Весна.

Они ещё немного постояли в сторонке, наблюдая за увлечённо работавшим художником, а потом пошли к Весне домой.

– Поверить не могу, – прошептала Зима, принимая из рук сестрицы большую кружку с горячим сладким чаем. Глаза её блестели, но на этот раз от радости. – Я даже подумать не могла, что в моём времени года может быть столько хорошего!..

– Я же говорила тебе, сестрица, – улыбнулась Весна. – Зима – прекрасное время года: такое же красивое, как лето; радостное, как весна, и щедрое, как осень... Дети, лыжники, художник – все они уже заметили, отыскивали в твоём времени года много хорошего. А теперь, я надеюсь, это заметила и ты сама!

ВРЕМЕНА ГОДА

От этих слов Зима смущённо зарделась, но всё-таки улыбнулась. Как же права была сестрица Весна, когда сказала: «Видеть-то ты видишь, да вот заметить никак не можешь». Она, Зима, и вправду всё видела, а вот главное только сейчас заметила...

BECHA

КОНСТАНТИН БЕЛЫЙ

Мартовский снег

Зима заваривает кашу,
которой сыты мы сполна.
Нахмурившись, сурово машет
всем ручкой черпака она.
В кастрюлю города из крынки
небесной льётся молоко.
Лежат сугробы вдоль тропинки –
какая каша без комков?
Опять пурга огромной ложкой
мешает белую крупу,
и сыпет сахар на дорожки,
и соль – на каждую тропу.
Размажет вьюга кашу эту
в тарелках окон, и тогда
покажется: не будет лета,
зима осталась навсегда.
Но вдруг весна кусочек солнца
положит в кашу, крышку сняв.
И солнце маслом растечётся –
не нужно никаких приправ.
Всё станет вкусным и прекрасным –
мы доедим её до дна.
Ведь кашу не испортить маслом! –
Нас учит этому весна.

Проводы весны

Всё гуляли, танцевали,
ели-пили, глотку драли.
Провожали, провожали
словно навсегда.
Веселились, не грустили.
Пили, пили, пили, пили.
И в итоге проводили –
только вот куда?
След-дорогу потеряли,
мучились, переживали,
ждали, ждали, ждали, ждали,
что придёт назад.
Всё надеялись, встречали,
грустно пели и в печали
снова пили, вслед кричали –
видно, невпопад.
Всё, в конце концов, пропели,
всё пропили и проели,
только встретить не сумели –
где теперь она?
Оказалось – не успели,
пропустили, проглядели.
Неужели, неужели
кончилась весна?

ЮЛИЯ БЕРЕЗИНА

Запах весны

Сильно пахнет весной, снегом талым и солнцем на лужах,
Отражаются окна, деревья, машины, лучи,
И не нужно искать для того, чтобы кто-то был нужен,
Очень важных, серьезных и веских причин.
И не нужно грустить, надевая красивое платье,
И испытывать чувство глубокой и стойкой вины,
Потому что мы все заслужили любовь и объятия,
Потому что мы все дети этой чудесной весны.
Мы встаем поутру, умываемся тихо лучами,
Расправляем слежавшийся, скомканный смех,
Отменяем тоску, сожаленья, тревоги, печали,
Отменяем себе, а любовь применяем для всех.
Наполняем целительным светом бездонную чашу,
Наполняем добром, а потом выпиваем до дна
И становимся чище, мудрее, сильнее и краше,
Потому что лучи, запах ветра, весна...

Весна

В потоке машин, в толпе
Ищу тебя быстрым взглядом,
Мне кажется, что ты рядом,
Я думаю о тебе.
Холодным пахнут дождем
Сырые зонты и крыши...
Музыка, что я слышу,
Снова в сердце моем.

Я слышу ее, она
Мешает мне спать ночами,
Звучит пополам с печалью,
Когда я лежу без сна.
Время – вода в реке,
В зеркале отраженье,
Улыбка, походка, движенье,
Прикосновенье к руке.
Смотрю в переплет окна
Отчаянно, словно в детстве,
И никуда не деться –
Музыка, дождь, весна...

Вновь весенняя слякоть...

Вновь весенняя слякоть, и ночь коротка,
И к бумаге опять потянулась рука,
Недопетый мотив зазвучал в тишине,
Но уже не темно и не холодно мне.
Как экран засветилось чужое окно,
Я уже не боюсь, мне уже все равно,
Только надо допеть, а разлука длинна,
И как лед одинокая ночь холодна,
Надо сердце рвануть из глубокого сна,
Надо сердцу сказать: «Ведь весна же, весна!»,
Взять за горло любовь, расшвырять по дворам,
Улететь навсегда далеко к облакам,
Засмеяться, запеть, запрокинувшись ввысь,
Ненароком поймать пробегающую мысль,
В клетку строк посадить и пригладить вихры,
И опять замолчать до поры, до поры.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Май в Петербурге

Здесь время, длаящееся вверх,
Каштанов свечи удлиняет,
Пространством сердце наполняет
Давно не драгоценный век.

Под натиском гранитных тел
С небес чулок ажурный сорван –
Мы кружим в вальсе на Дворцовой,
Забыв на время о зонте.

Из дальних, из вторых кулис
Взирают старики и склепы –
Нам кажется таким нелепым
Их время, длаящееся
вниз...

Она сбежала с лекций просто так:
Сегодня слишком тесно в душном классе.
Пространство мягко, словно мягкий знак,
Лепи, что хочешь, из воздушной массы.

На тонких пальцах – желтая смола:
По шкурам тополей сочится влага.
Береза дышит порами ствола,
Прорвавшись через тонкую бумагу.

Беречь обувку больше ни к чему:
Стою в прохладной луже, замечая,
Что к левому ботинку моему
Кораблик в клетку медленно причалил.

Автобус с бирюзовыми боками
И солнце, непривычное пока,
Неловкие попытки чудака
Поймать шмеля бумажными платками.

Салон почти пустой, и в нём играют
Морские блики, пойманные той,
Которая, сорвавшись за мечтой,
Лучистыми глазами их пускает,

По крайней мере, так запомнил я.

Короткая судьба ждала шмеля,
Раздавленного в середине мая.
И остановка скорая такая!
Водитель двери с лязгом закрывает,
Как будто память, как мечта моя.

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВА

Март

День перекраиванья карт
И пересмотра старых правил...
Да это странный месяц март
Всё с ног на голову поставил.

Он заорал: «Уже весна!»
И понеслось – ни дня без строчки.
Вновь после длительного сна
Проснулось шило в пятой точке.

По телу зуд: хочу в бега.
Туда, на дальние просторы!
А там ещё лежат снега,
Но время таяния скоро.

Забьём на важные дела.
Я удержать себя не в силах.
Сегодня красные тела
Танцуют самбу в наших жилах.

И воздух пьётся, как вино.
И пахнет радостью дорога.
И мне почувствовать дано
Любовь возлюбленного Бога.

Крокусы

Весной такие бывают фокусы:
То дождь, то снег, то тепло, то холод.
А из-под земли вылезают крокусы,
Чтоб разбудить наш унылый город.

Они, как маленькие дюймовочки,
Из подземелий выходят к свету
И поворачивают головочки
Туда, где лучше земля согрета.

Сегодня радость у нас великая –
Цветенье крокусов из-под снега.
Весна прекрасная, многоликая
Лучами солнца к нам льётся с неба.

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

И вновь – большой весенний взрыв.
И ветер, судорожно взыв,
В окно всё ломится и стонет,
И дом в тягучем гуле тонет.
Молочно-белый набрызг звёзд
Замазан густо амальгамой,
И древней нисходящей гаммой
Звучит гроза, и синий хвост
Её то в плеске светлом тает,
То пышным веером пылает.
И пыль, и дым, и свет – столбом!
И заплутавший стриж серпом
Крыла срезает сноп лиловый,
И под стреху – давно пора –
Полило, будто из ведра!
Засвечен, вздрогнул лес сосновый,
И молний огненный аршин –
До тех, иссушенных рябин –
Все ходит-мерит – широко ли
Водой затопленное поле.
Из ничего – весенний взрыв,
И окна наглухо закрыв,
Забыв молитвы, что есть силы
Всё шепчешь – Господи, помилуй...

Светлый ситец тянут понемногу
Радуги поблекнувшие пяльцы,
Дождь щекочет сонную дорогу
Ледяными кончиками пальцев.

Он, как я – слегка подслеповатый,
И глаза – всегда на мокром месте.
«Погоди, успеется, куда ж ты? –
За руку с весной пройдемся вместе!»

За оврагом домик – самый первый –
Детства подзабытое урочье,
Узелки припухшие на вербе,
До мозолей стертое обочье...

Дождь, прощаясь, тихо барабанит
Тысячами маленьких ладошек,
Парусом на флагманском диване
Сохнет зонтик. Бабушкин. В горошек.

МАРИНА ЧЕЛАУКИНА

Метели беспокойные прошли,
И пролетели мартовские громы,
И колдовские запахи земли
Врываются в оконные проёмы.

Закрыв глаза, я слушаю село.
Звонит трава. И хвастает сорока.
И кажется, что всё произошло
На свете от единого истока.

Всё вышло из затерянных лугов
С тесьмой реки и мельницею старой.
Изгнание из этих берегов
Я почитаю самой страшной карой.

И в эти дни печальных новостей,
Из стен одних летя в другие стены,
Я чувствую себя, как Одиссей,
Плывущий мимо острова Сирены.

И с каждым днём труднее удержать
Себя от безрассудного побега,
Чтоб руки полудетские пожать
Черёмухе в платке белее снега.

Должно быть, так, вдыхая темноту,
В часы, когда заснула даже стража,
Несчастный узник ценит красоту
Бесхитростного сонного пейзажа.

Я родилась в дорогах без конца,
В лугах и рощах песенного края,

И вижу я рябину у крыльца,
Свои глаза под вечер закрывая.

И что бы мне ни было суждено –
Перо иль струны, краски или ноты –
Они бы вечно славили одно,
Вовек не уставая от работы.

Огонь за школой пляшет под луной,
Трепчат в костре весёлые поленья,
И всё вокруг наполнено весной
И радостною жаждой обновленья.

И хочется собрать себе в ладонь
Всё, что мешает внутреннему свету,
И бросить всё в смеющийся огонь,
Как жертву наступающему лету.

И хочется наполниться добром,
Особенным мерцающим свеченьем,
И стать таким же пламенным костром,
Цветком свободы в сумраке вечернем.

Источником душевного тепла,
Стихией очищенья без остатка,
Сжигающим всё лишнее дотла,
Чтоб дать простор для нового порядка.

Покуда танец вольного костра
Волнует нас, как мастерство факира,
Всё остальное – только лишь игра,
Несовершенство суетного мира.

ТАМАРА ЧЕРЕМНОВА**Веснянка**

Крепко ещё спит сибирская тайга под жгучей шубой снегов. Всех разогнал мороз трескучий по своим ногам, дуплам да берлогам. А тем, кому некуда спрятаться, худо в зимней тайге. И не смилостивится мороз, важно ходит он по лесу и подправляет сугробы, тронутые настырным солнцем. И слышно только, как потрескивают заиндевелье деревья. Да серебряный месяц с небес стелет свою светлую дорожку на эти великолепные снега. Бежит, пробивается эта дорожка в самую глушь тайги, туда, где утонула в пышном сугробе убогая сторожка. И хотя её замело по самую крышу, всё равно видно, как светится в сторожке оконце. Это коротают зимнее время Веснянка и её старая нянюшка.

Вертится перед ледяным зеркалом Веснянка, все ларцы с драгоценностями пооткрывала. То одну нить ледяного жемчуга возьмёт и капризно глянет в чистый лёд-зеркало, то другую нить – всё перебрала! Да только почему-то в тот вечер никакой жемчуг ей не подходил. Потом было примерено самое любимое ожерелье – из тонюсеньких льдинок – словно чистый горный хрусталь нанизан на нитку. И у самой Веснянки две такие же льдинки в глазах застыли. И опять всё ей не то! Вот уж и заветный ларец открыт – в нём хранится дорогой венец. Из крепчайшего льда этот венец – заморожен самой лютой стужей, кован всеми сибирскими морозами, гранён и отшлифован шальными ветрами. Примерила его Веснянка на голову – грандиозно! А у самой в лице ни капельки тепла, лишь две ледышки в глазах хо-

лодно искрятся. И снова её что-то не устраивает. Заглянула ещё раз в ларец и узрела там белую блестящую ленту.

– Ой, нянюшка, что это? Какая необыкновенная лента! – восхитилась Веснянка.

– Ох, батюшки! – всполошилась старушка. – Я совсем забыла строгий наказ матушки-метелицы. Эту ленту я должна вплести в твою косыньку, голубушка моя, в самый последний вечер первого весеннего месяца.

– Скажи, а зачем мне надо вплетать эту ленту? Скажи, а то не дам вплести! – передёрнула плечами Веснянка, разглядывая белоснежную ленту, на которой вилял причудливый узор из лёгких снежинок, словно лента была соткана из зимнего забвения.

– Присядь-ка, милая, и я расскажу тебе всё, о чём сама знаю, а заодно и ленту вплету, – уговаривает нянюшка Веснянку.

Присела Веснянка у ног нянюшки, и та начала свой сказ:

– Ворожила матушка-метелица на таёжном озере, и привиделось ей, что в Веснянкину косу надо обязательно вплести снежную ленту, чтоб охладить горячую головушку девицы. А иначе случится беда.

– Какая беда, нянюшка? – насторожилась Веснянка.

– Да говорят, будто бы глянет однажды в наше оконце светлоокий принц, и убежит Веснянка за ним из своей сторожки.

– А для чего ему глядеть в наше оконце? – пожимает плечами Веснянка.

– Чтоб влюбиться в тебя, – улыбнулась нянюшка. – А чтоб влюбиться, ему надо сначала тебя увидеть.

– А как зовут этого принца, нянюшка? – не понимает-ся Веснянка.

– Март... – тяжело выдохнула нянюшка это имя: сердцем чувствовала она, что грядёт беда, что плохо придётся непокорной Веснянке.

– Ах, нянюшка!..

Вскочила Веснянка и так тряхнула головой, что не удержался венец на её голове и в последний раз, сверкнув миллиардом искр, рассыпался навсегда. Веснянка прыгнула за порог и исчезла в таёжной темени. А снежная лента так и осталась в заботливых руках старой нянюшки.

Веснянка, как была босая, так и побежала, не оглядываясь, по обманчивой дорожке серебряного месяца – так не терпелось ей увидеть светлоокого принца по имени Март. Долго бежала она, а когда наступило утро, присела Веснянка отдохнуть на лесной полянке. «Ну где же ты, принц? Тот, кто хочет в меня влюбиться? – зашептала она. – Как мне хочется поскорее тебя увидеть!» – И, обессиленная, заплакала, склонив усталую голову на колени. Спустя некоторое время то место, где сидела Веснянка, оттаяло, а её светлые девичьи слёзы проросли робкими подснежниками.

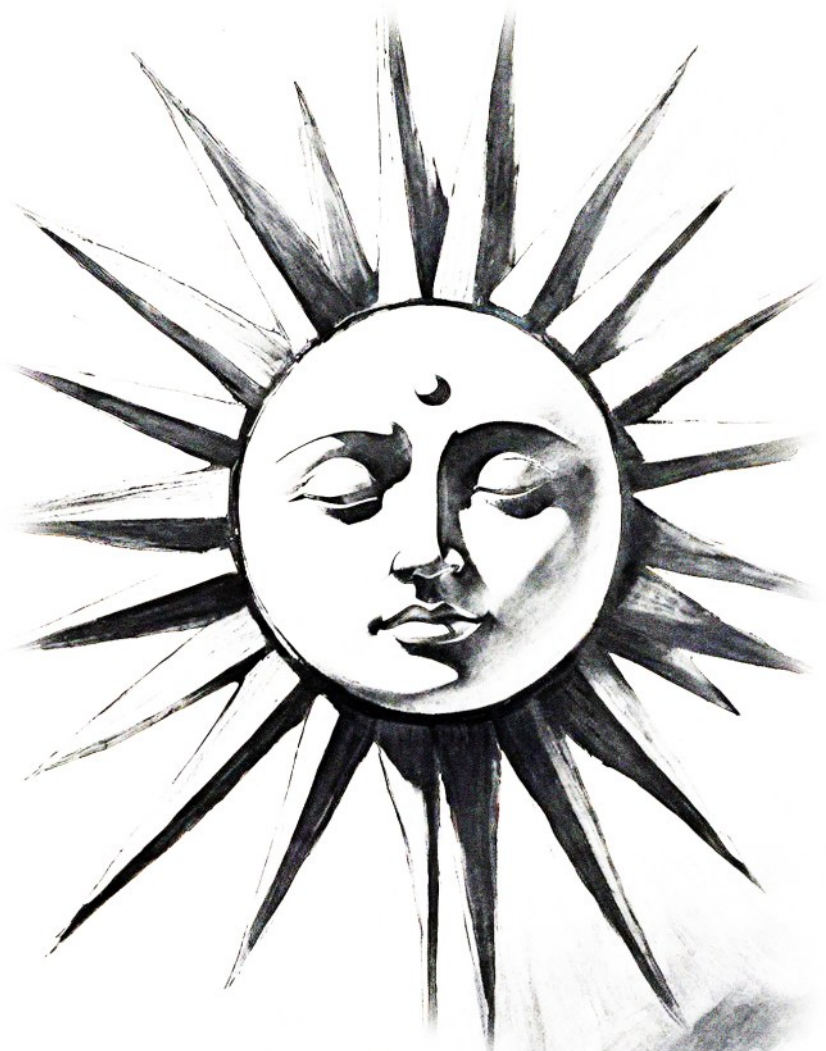
Спешит девица в поисках светлоокого принца, а за ней преданным псом бежит первый весенний ручей, ластится, лижет холодным языком её голые пятки, подслушивает ночами Веснянку в бреду, а днем всему свету рассказывает про её грёзы. И тянется за ними сумятица, которая, как дурман колдовской, тревожит живые сердца, торопит уставшие птичьи стаи, проникает в человечесьи души, рождая в них сладкую грусть и напоминая, что настало святое время любви. И нет теперь в глазах Веснянки льдинок, в них уже оттаявший таёжный омут

плещется. И бежит она, торопится, и невдомёк ей, что надо остановиться и подумать: где же всё-таки её суженый. Впереди? И она его вот-вот догонит? Или он уже далеко позади неё остался, а она проскочила мимо?

Эх, не успела старая нянюшка остудить снежной лентой горячую головушку Веснянки! Не успела...

*Лето как выходные.
Такое же прекрасное, и так же быстро проходит.
Июнь – это пятница, июль – суббота,
август – воскресенье.*

Марина Цветаева

ЛЕТО

КОНСТАНТИН БЕЛЫЙ

Жара

В городе жара!
Страшная пора.
Желтая дыра
Пожирает воздух.
Город утомлѐн.
Город обречѐн.
Серым языком
Слизывает воду.

Каменный мешок.
Всем нехорошо.
Заворот кишок
Города-калеки.
Солнце задарма.
Сводит жар с ума.
Плавятся дома.
Закипают реки.

Мысли набекрень.
Бесконечный день.
Город ищет тень,
Умирать не хочет.
Стонет, но живѐт,
Из фонтанов пьѐт,
Медленно ползѐт
К вожденной ночи.

По-над улицей

по-над улицей
понакручено
небо хмурится
чёрной тучею
тянет волоком
сизым облаком
серой кучею
громкий колокол
громом колется
лужи пучатся
хорохорятся
капли кружатся
с ветром борются
будто вьюжатся
бьются в ужасе
топчут лужицы
плетью молния
гонит волнами
звуки выстрела
только быстро всё
переменится
между грозами
месяц свесится
в небо звёздное
мокрой коркою
между шторками
и ссутулится
по-над улицей

ЮРИЙ ВИКТОРОВ

Под тихий шёпот фортепьяно

Под тихий шёпот фортепьяно
Со мной играет солнце бликом.
Я на веранде ресторана
Жду кофе, сливки и клубнику,

Расслабленно обозревая
Пейзаж окрестностей приятный,
А мимо лебедь проплывает
Маршрутами «туда–обратно».

А облака, блестя кипенно,
Изменчивою формой шаткой
Мне предстают попеременно
То Чебурашкой, то лошадкой.

На синеве небес бездонных
Всё смотрится весьма гламурно,
И даже вечные вороны
Уместны и слегка ажурны.

Скользит неспешно мимо лодка,
А в ней студентик тонкошей
Кадрит невинную красотку,
И я за паренька болею.

Младенец гукает в коляске,
Мамаше доставляя радость.
Она ему целует глазки,
И я с младенцем улыбаюсь.

Пацан с веснушчатой рожей
Бежит со смехом беспричинным,
И этим смехом мы с ним схожи,
И даже внутренне едины.

Два тихих милиционера
На удивленье гармонично
Вписались в антураж пленэра,
Ведя себя вполне прилично.

Лужайки дарят запах мятный
Посредством воздуха движенья,
И ощущения приятны,
Как предвкушенье наслажденья.

И в этот малый промежуток
Мир так наивен и беспечен,
Что я пишу без всяких шуток –
Какой прекрасный летний вечер!

ЕКАТЕРИНА ОВСЯННИКОВА

Летний сон

Роняет ветер на ромашки тишину,
Сопит ручей меж васильками где-то,
И счастья пенистую тёплую волну
Несёт по свету заводное лето.

Прохлада. Росы. Сливочный туман.
Макушки сонных рябчиков под елью.
Мой разум от свободы сильно пьян,
Ну а душа поёт серебряной свирелью.

Заворожен мой взор небесным перламутром,
Чьи своды – воплощение идеала!
Ведь снится мне июль январским утром,
Пока я сплю под тёплым одеялом...

ГАЛЛИНА САМУСЕНКО

Сиреневое вино

*И сирень зацвела вся разом,
в одну ночь вскипела и во дворе,
и в аллеях, и в парке.*

Ю. Нагибин «Сирень»

Вскипала мелодия пеной цветущей сирени
под сильными пальцами мощных натруженных рук.
Коварная память туда, где под солнцем горели
узорные кисти, без спроса отправила вдруг...

Тревожило лето аккордами яростных ливней.
Под громы и молнии шла за грозой гроза.
Но первым лучам улыбался промокший малинник.
И славили солнце весёлые птиц голоса.

Запенилась разом сирень на опушке и в парке
(набухшим бутонам проснуться бы надо давно).
В сиреневой чаше беспечная юная пара
пила прямо с веток хмельное сирени вино.

Июнь молодой разливал травяные коктейли.
Влюблённости аура в доме, аллеях, саду.
Любовь и рассудочность вздумали свару затеять.
Любовь победила. Как водится, всем на беду...

Не сладилось. Каждый с другой половинкой обвенчан.
И жизнь прожита. Обижаться, ей богу, грешно.

Но помнилось давнее лето. И в музыке вечной
вскипало и пенилось горькой сирени вино.

Июньский полдень

Медвяный ветер – липа зацвела.
Щекочет ноздри аромат клубники.
Лениво бродят солнечные блики
по кружевному абрису стола.

Покоя, мирных дум полднее вино
как ценный дар нам Господом дано.

Качалка дремлет. Самовар хранит
очарованье утреннего чая
и вспыхивает жарко, отвечая
светилу, точно вросшему в зенит.

Природа словно отошла ко сну.
Умолкли птицы на ветвях покатых.
И лишь сороки дробное стаккато
очередями режет тишину.

ВАДИМ СЕРГЕЕВ

Дождливо

Дом лакает сметану ливня,
Проводами стучит по нотам.
Непрочитанные молитвы
Превращают асфальт в болото.

Это лето – пятно на солнце,
Красный карлик в чужом огниве,
Обнадёжит и оборвётся,
Намотав на колёса мили.

И не важно какое горе
Лето выпило для рыданий,
Мокрый мир, всё равно что голый,
Согреть нас никто не станет.

Рукавами дорог и улиц
Город кутает тело в пробки,
Словно чувствует – обманули!
Дали лето без маркировки.

Мой светлоокий город

Зачерпну фонарями небо,
Между звёзд расплескаю брызги.
Этот город – огромный слепок
Отпечатка пугливой рыси.

Эти улочки тянут жилы
Распростёртого покрывала.
Мы с тобою, мой город, живы!
А ведь это уже не мало!

И пускай неуёмный ветер
Разрывает косые стяги!
Мне дороже всего на свете
Окунаться в твои зигзаги!

Я макаю себя в протоки,
Жигули загребаю в душу.
Раскалённый и светлоокий,
Как же сильно ты мне нужен!

МАРИНА ТУМАНОВА

Томится летним зноем голова.
Осока режет праздничное платье.
О Мать-Земля! Пусть вся твоя трава
Прильнёт ко мне в немом рукопожатье!

Моя ладонь крепка и горяча.
Ладони листьев глажу виновато.
С учтивостью заботливого брата
Мне ветер вдруг касается плеча.

Как много в мире братьев и сестёр,
Не знающих друг друга поимённо!
Способных на беззвучный разговор,
Но слепотой своей разъединённых.

Пусть память отгорит об этом дне,
Но суть его останется во мне.
Вот смысл молчаливого свиданья –

Душа людская Богом в тишине
Не создана вершиной мирозданья,
А лишь парит со всеми наравне.

Август

Кузнечики грустят об уходящем лете
В лугах, где до меня и не был человек.
Но мой велосипед, выдавший всё на свете,
Не оборвёт разбег.

Не поверну назад, где сердцу всё знакомо,
Не убоюсь тропы, петляющей вдали.
Поклонники травы, что выросла у дома,
Не ведают земли.

Свет завтрашнего дня известен только смелым.
Мог двухколёсный друг, подумаем о нём!
Мы, ставшие с тобой почти единым целым,
С дороги не свернём.

Да здравствует твой путь, когда он осторожен,
Отчаянный, прямой, извилистый – любой.
Но самый лучший путь, что для тебя возможен, –
Проложенный тобой.

ЛЭДАС ЛИВНА

Из нитей разноцветных лето сплетено

В давние-предавние времена, когда мир был во многих краях пустынен, жила себе в дремучем лесу отшельница. Годы сторбили ее спину, а морщины покрыли лицо, точно паутинки бугристую кору дерева. Давно уже она перестала считать свои дни, ибо время казалось ей злостным вихрем, уносящим прочь красоту и силу. Однако сердце старухи все еще трепетало, как у молодой девушки, и она мечтала о возвращении былых даров юности.

Надумала старуха изучить древние таинства, собрать корни и травы, чтобы приготовить зелье вечной молодости. Но сколько бы она ни старалась, время только сильнее касалось ее. Год проходит, другой, третий... ничего не ладится.

Как-то раз бродила горемычная по лесам густым, задыхаясь от тоски. Думы её были тяжелы – кляла она себя за слабость духа. И случилось, что набрела она на поляну, где рос дуб-великан, вышиною до небес. В утомлении отчаяния пала она на землю сырую близ того дуба и горько разрыдалась.

В тот же миг содрогнулось дерево, и из-под его корней скороспешно забил ключ студёный. Испила отшельница из того ключа водицы животворящей. И вот явилось чудо! Вместо шуршания листвы стали слышаться слова:

– К тебе взываю, дочь человечья! О чем горюешь ты? – прозвучал раскатистый голос. То был дух дерева.

Старуха низко поклонилась перед могучим дубом и промолвила:

– О, дух лесной, с самого дня сотворения наблюдаешь ты велик свет белый, столько веков хранишь ты тайны мироздания. Смилуйся надо мной, даруй молодость, чтобы, увидев отражение своё в реке, узрела бы себя такой, какой была в юности, иначе не видать мне благоденствия, изгибну несчастная от кручины.

– Не горюй, дочь человечья. Так и быть, помогу я тебе вернуть молодость. Только слушай внимательно мой совет да запоминай, – наказывало древо. – Ступай себе в хижину и сплети сеть из мирты. Как сплетишь – слови поочередно в неё утреннюю зарю, полуденный свет, зарево заката и лунный отблеск. Обрати те лучи в нити да примись ткать рубаху из них. Успеешь соткать за семь дней и ночей – магическими силами возобладают те нити: наденешь рубаху и тотчас облик твой преобразится, внешняя юность и краса возвратятся.

– Спасибо тебе, о дух всемилостивый! – во слезах благодарила отшельница.

– Будь внимательна, – строго продолжил голос, – остерегайся поймать в сети Жар-птицу! То существо вольное и плена не терпит. А коль словишь ненароком – так отпусти сразу же!

Послушалась отшельница мудрого духа и на следующее же утро, исполнившись радостью неизбежной, принялась плести сеть из мирты да ловить в неё алую утреннюю зарю, золотистый полуденный свет, повечеру малиновое зарево закатное, а пополуночи жемчужный отблеск луны. Собрала она из лучиков светил нити всех возможных цветов и принялась за работу.

Три дня и три ночи трудилась старуха, повинуюсь воле духа лесного. Что ни стежок, то узор благолепный, что ни узор, то произведение искусства. Уже персты испещрены мозолями, уже и игла притупилась. Близок час – рубаха будет готова, как вдруг раздался снаружи шум; выглянула хозяйка в оконце да так и ахнула: запуталась в сетях мирты сама Жар-птица, а перышки её блестят ярче пресветлого солнца. Старуха отродясь такой красоты не видывала. Позабыла она неволью указания дуба старого. Помнит лишь, что Жар-птице ведомо, где растут яблоки, дарующие молодость, красоту и бессмертие. И задумала она темное дело: не выпускать огнеперую, ибо так сподручнее и быстрее будет достичь желаемого.

Прознал о кощунстве оном хозяин воздушной стихии Стрибог. Разгневался он и наслал средь ясна дня бурю великую. Потемнело небо, взвились ветры сильные – ветры разрушительные, оборвались под их лихим напором сети миртовые, выпуталась из сетей Жар-птица плененная и умчалась прочь. Разметали порывы грозные и нити, из которых старая мастерица ткала рубаху. Разлетелись они разноцветными лентами по всему краю, унося с собой навеки частицы волшебства.

Как усмирилась стихия, как улеглась буря – приземлились нити зеленые на лоно земли и стали травами пахучими, покрывающими луга и поляны; алые – обратились в яркие, сочные плоды, наполняющие сады и леса; розовые стали лепестками цветочными, белые – мякотью березовой. А там, где приземлилось сразу несколько нитей, – выросла всецветной дугой радуга. Так и зародилось лето лучезарное – время года, дарующее всем молодость души, чувство легкости и беспечности.

С тех пор каждый год, когда оно вступает в свои права, старики и молодые получают по крупице неиссякаемой юности. Это не только внешнее благолепие, но и внутренняя молодость, которая приходит с каждым солнечным лучом, бутонем, ягодой и травинкой. И любят доныне люди сказывать доброе слово об этой поре:

Лето – это струящийся по древесным сосудам нектар. Лето – это эссенции сладостно-чарующих ароматов. Лето – тысячегласная мелодия, составленная из стрекотания кузнечиков, бархатного шелеста листвы, гудения пчёл, шума косьбы, журчания воды в озёрах и реках бурливых. Лето – открытые настезь врата для новых впечатлений, неведанных чувств, насыщенных прежде имён. Лето – картина, начертанная всеми красками мира. Лето – колыбель звука, цвета, движения, аромата, счастья...

Вот так горе обратилось благом, равно как зима обращается летом, а льды неподвижные – ручьями быстрыми. Так было раньше – так будет и впредь.

ЕЛЕНА САОМУЛЛИНА

Запахи

*Запах, который волнует душу, –
это, наверное, самая простая и чистая
из всех известных нам радостей.*

Й. Стефан Еллинек

Запахи, запахи... Они сопровождают человека всю жизнь. Промелькнет что-то, а ты мучаешься – что это было? А всего-то – запах тюльпанов... Настоящих весенних тюльпанов.

Весна, ранимая и беспокойная, пахнет юностью и предчувствием любви... Весна – это запах желаний.

А лето с его жаркими, сладкими духами пахнет бессонницей. Ну зачем спать, когда так хорошо? И так коротка ночь, что чуть засиделся – и можно уже не ложиться.

Интересно, только в русском языке ответ на вопрос «сколько лет?» буквально означает возраст человека? Как-будто мы не живем в другое время года, а только в муторной полуспячке, как в зале ожидания ночного отложенного рейса, ждем сигнала, чтобы, наконец, проснуться летом. И оно непременно разбудит тебя, встряхнет, сотрет с лица морщины и позовет в дорогу. Как будто и не уходило... Лето – это бессмертие.

А осень – это покой. И самообман. Нет-нет, еще теплеет. Еще цветут на клумбе розы, и листья не спешат покрывать землю. И так сладки последние теплые деньки! Тихие-тихие, замершие. И ощущение Дома. Весной и летом – кому нужны эти стены? А осенью так уютно у согретого очага! И есть время подумать и что-то на-

чать сначала. Может, это после пятнадцати лет ученичества? Так бы и открыл новую тетрабочку и написал в нее что-нибудь умное, важное, с чистого листа. У осени – запах опыта.

А зима пахнет смертью. Морозом, какими-то деревенскими волчьими кошмарами, тьмой непроглядной. И в редкие солнечные деньки – выстиранным бельем. Вот хозяйки раньше на мороз белье вывешивали для отбеливания, а потом снимали с веревок ледяные окаменелости. Так и ты – весь вымерз, высох до звона и хруста – не сломаться бы. И надо пережить ее, зиму эту окаянную, злую.

Пережить, чтобы однажды отряхнуться от шерсти зимы и со слезами на глазах понять – она ушла! Долой приторные новогодние безделушки, долой сонные телевизионные вечера, долой хандру и скуку! Жизнь рождается! И как же хочется все отмыть-оттереть от этой зимней стужи, и впустить в сияющие окна солнце, ветер, крики птиц, и... запахи. И каждый вдох – приступ головокружения, и не надышаться... Сначала робко – талым снегом, тополиными почками, потом все сильнее и сильнее – медуницей, черемухой, и это весеннее крещендо запахов убеждает – снова родилась Жизнь, чтобы стать бесмертной летом.

ОСЕНЬ

ГЛЕБ ПУДОВ

Старухой седую приходит осенняя хворь,
гудит в голове, изменяет цвета и оттенки;
бледнеют вдали океаны малиновых зорь,
мир кажется узником в чьем-то кровавом застенке.

Уже не расту я – на убыль иду, словно день,
растратил себя на ненужные мысли и слоги;
я – вовсе не я, а холодная, скользкая тень,
всего лишь холодная тень на пустынной дороге.

Сквер

Я сквер пустынный осквернил
своей танцующей походкой,
я по нему как яхта плыл
или как парусная лодка.

Рукоплескала мне листва,
и ветер пел проникновенно
от осознания родства
с моим прекрасным настроеньем.

Я веселее был, чем мог,
ведь в сердце горести таились.
Ах, милый сквер, таков итог:
две жизни вместе не сложились...

В коричневых дебрях живёт одинокий лесник,
беседует с вороном, пишет печальные сводки,
к пустой тишине он давно уж привык,
к пустой тишине с мёртвым запахом водки.

Ночами осенними долго глядит в потолок,
считает в нём трещины давние, сколы и бреши:
зачем он так стар и зачем одинок?
На свете одна есть причина: он – леший.

АННА БАБИНЦЕВА

Королева-осень

Осанку держит, силуэт точёный,
Ронять лицо особе не пристало.
Шлейф мантии струится золочёный.
Не свергнуть королеву с пьедестала.

Кружит за нею свита хороводом –
Вышагивает гордо и надменно,
И подают ей фрейлины с поклоном
Налитый в чарку тёплый вкус глинтвейна.

Не к спеху коронованной особе:
Ещё продемонстрирует капризы.
Шафранный цвет у мантии, особый,
Он таинством величия пронизан.

Никто не знал ни слёз её, ни смеха.
Что на душе?.. Теряйтесь же в догадках.
Не грезит больше рыцарем в доспехах,
А если и вздыхает – то украдкой.

И только верный друг-оруженосец
Её закружит в томном пируэте.
На бал вернулась королева Осень,
Ступая горделиво по планете.

Южная осень

Стали прохладнее южные ночи,
Не раскалется пляжный песок,
Утренний дождь нам уже не пророчит
Лето продлить ну хотя б на часок.

Небо тревожится хмурым оттенком,
Листья ржавеют, и стынет река.
Осень идёт – за ступенькой ступенька,
С летом прощаясь: «До встречи! Пока...»

Август мелькнёт за крутым поворотом,
В шлёпанцах пыльных уйдёт без зонта.
Дней безнадёжных не дарит природа.
Осенью грустно? Ну нет. Клевета!

Миг торопливый поставит на якорь
И припасёт нам туза в рукаве:
В листьях осенних лежать так же мягко,
Как и в июльской зелёной траве...

НАТАЛЬЯ КОЛМОГорова

Граффити осеннего бульвара

Ночь ставит ловушки;
Месяц нож вонзает в ребро.
Звёзды – на небе мушки,
Мельтешат,
Легки и послушны,
Исполняя на бис «болеро»...

Я сегодня не трезв и не пьян,
И любого из вас – смелее!
С неба пялится Кассиопея,
Жёлтый лист исполняет канкан...

Я – задира, транжира, я – хлюст!
Мне как будто бы мало экзотики...
Я – почти Ренуар Огюст,
Нарисую дожди и зонтики,
А ещё – на домах граффити,
Ну же, смелей, зацените! –
Фараона и Нефертити...

Скажут люди: сошёл с ума,
Словно Винсент Ван Гог –
Потому что белый туман,
Как кошка вьётся у ног...

А вы говорите – осень!
А вы говорите – холодно!
И хочется спать до обеда
В горячих объятиях пледа,
Пока горит Андромеда,
Словно большой канделябр...

Улица. Ночь. Ноябрь...

ТАТЬЯНА БАДАКОВА

Бабье лето

С затаённой грустинкой
Встречаю сезон листопада.
Бабьим летом не зря
Величают багрянца пору'.
И легко паутинку
В тиши живописного сада
Ветер в вальсе огня
Закружит на осеннем балу.

Друг мой клён под окном,
Словно клоун, грустит в одиночку,
Сбросив рыжий парик
На прощальном спектакле своём.
Не жалею о былом,
По весне зашумят вновь листочки.
Вовсе ты не старик,
Помечтай под осенним крылом.

Есть такая пора
У природы – любви откровенье.
Красоту напоказ,
Мол, любуйтесь, щедро без затей.
Осень – женщина.
Очарует и на мгновенье
Без остатка отдаст
Нежность всю. Уловить лишь успею.

За чашкой чая

Доброго друга
В день осенний
Под шелест дуба
И роз цветенье
За чашкой чая
В тихий вечер
Я привечаю –
Вот так встреча!

Мне друг подарит
Тепло и радость.
И воссияет
Небес отрада.
А хризантемы –
Что за прелесть!
Букет осенний –
Жизни зрелость.

Воспоминанья
Тревожат сердце.
Снова мечтанья...
Ах, юность, где ты?
Уже стемнело,
Не замечаем.

Тепло, душевно
...с остывшим чаем.

ТАТЬЯНА БАДАКОВА

Сентябрь

Это сентябринки.

Да, именно они.

Однажды весной бережно принесённые мамой в мешочке с землёй и с любовью посаженные ею в нашем палисаднике. Помню, она приговаривала тогда: «Вот зацветут сентябринки, значит, тебе пора в школу...»

«В школу?»

Удивлению моему не было конца. Как же этот махонький зелёный комочек может знать, когда наступит такое важное событие? Я пойду в первый класс!

Всё лето у меня прошло в ожидании.

Каждое утро я бежала в палисадник, чтобы посмотреть – не появились ли цветочки. Но наш кустик рос по своим небесным законам. По-видимому, он не спешил, набираясь сил и давая мне, малышке, насладиться теплом и безмятежным детством.

Цветение – самая яркая, самая удивительная пора у всего живого. Крепнет мускулатура, наливаются живительным соком все органы, созревают мысли и сознание. Чтобы в один чудесный миг явить миру всё то, для чего шло время томительного ожидания. И от того, как ухожен и чем вскормлен организм, будет зависеть и его расцвет.

Вечерами мы с мамой поливали свои сентябринки. Куст стал вытягиваться к солнцу, зеленел, становился выше и пышнее. Однажды я увидела маленькие мохнатенькие бутончики.

Первого сентября мама наряжала свою доченьку. А она, уже почти ученица, сияла и сверкала, как её чёрные лакированные туфельки и важный портфель. Школьное коричневое платье, белоснежный фартук, кружевные манжеты и воротничок – чудо чудное! На непослушных кудрявых волосах красовался огромный белый бант. В суете своего первого школьного утра я чуть было не забыла про сентябринки. А когда выбежала во двор, то увидела ярко-фиолетовое облако на нашем кустике. Цветочки были маленькие и нежные. Но их было очень много. Настоящее сиреневое кружево.

Милые скромные цветы... Они не забыли про мой праздник и пришли меня поздравить!

Помахав сентябринкам, радостная, я шла за ручку с мамой в школу.

В первый раз...

Магия

Памяти Анны Ахматовой

Как только вышла из подъезда, меня охватила непонятная истома, словно предчувствие чего-то удивительного.

Тихий осенний вечер.

Не совсем стемнело, но ещё чуть-чуть и ночная мгла завладеет всем вокруг. Пока властвует красавица-осень, но вот-вот и лёгкий морозец зазвенит в воздухе.

Это волнующее переходное состояние природы, пространства и времени передалось и мне.

Ненавязчиво накапывал тёплый в мелкий горошек дождь, а вокруг – полнейшая тишина, столь непривычная для большого города.

Прогуляться я всё-таки решила, потому что люблю такую погоду, настоящую подругу раздумий и воспоминаний. Поразмышлять всегда есть о чём: от простой обыденности может унести далеко и высоко.

Старые клёны резными, особенно притягательными осенью яркими листьями «пели» свою лебединую песню, но и радовали глаз.

Под зонтом, слегка наклонив голову, иду тишайшим шагом, всё равно – куда. По маршруту, начертанному самой аллеей, а возможно – и Кем-то ещё.

Так и есть – предчувствие не обмануло...

Детским почерком, белым школьным мелом на чёрном от дождя асфальте:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Очертанья столицы во мгле.

Сочинил же какой-то бездельник,

Что бывает любовь на Земле.

Разве это не удивление?

Дождь. Глубокая осень – вовсе не весна. И любовная лирика Ахматовой...

Чудный ребёнок, аккуратно выведивший мелом эти изумительные строки!

О чём он думал, о ком? Конечно, он влюблён! А какая его душа, богатая и нежная!

Я стояла, не шелохнувшись, боялась отпугнуть снизошедшее из глубины веков откровение великого поэта.

Ах, Анна, как же это прекрасно! Отозвались твои чувства в сердце совсем юном, современном, века электроники и скоростей.

И неважно, как сложится его жизнь. Я уверена – он будет благословен, ведь им прочувствована высокая поэзия.

А скольких людей этот человечек сегодня сделал счастливыми!

Серебряные струи дождя тонко и нежно превратились в волшебные нити, которые связали меня в этот миг с Веком Серебряным.

Такова магия сегодняшнего вечера.

Магия поэзии...

Прощание с летом

Сегодня у меня уборка.

«Ну и что?..» – скажете вы.

А я не просто занимаюсь этим привычным делом.

Сегодня у меня – прощание с летом...

Наверное, от этого яркие платья и дерзко-открытые сарафаны сразу поникли на плечиках и загрустили. Но всё же успели кокетливо взмахнуть оборочками на прощание, словно о чём-то догадываясь. А розовые и нежные топики своим недюжинным умом и не сообразили, что останутся скучать на полке шкафа надолго.

Милые мои купальники и парео, шляпы и шортики, вам уж точно ждать придётся очень долго. Ведь для вашего выхода в свет нужны жаркое солнце и тёплое море. В октябре о них думать совершенно бессмысленно.

Лишь самодостаточные джинсы гордо поглядывали на весь этот прощальный процесс. С уверенностью и лихим запалом североамериканского ковбоя готовы были биться об заклад, что их участь не подвержена никаким климатическим, временным и даже политическим переменам.

Сегодня у меня уборка.

«Эка невидаль!» – подумают многие.

«Эка невидаль!» – подумала бы и я.

Но...

Что за явление такое – человеческие мысли? Откуда вдруг явилась эта шалунья-грустинка?

Непрощено промелькнула и тут же улетела: «Вы только дождитесь, непременно дождитесь моего плеча, са-рафанчики и платица, маечки и блузоньки! Мы с вами ещё потанцуем на летней площадке парка! Подышим настоем степных трав, когда я, подставляя лицо щедрому южному солнцу, зажмурившись от удовольствия, буду блаженствовать».

Правда, ведь?

Так и будет?

Прошелестит добрая и тёплая осень.

Зимушка порадует своими чудесами в виде искристого снега, красных-прекрасных щёк и золотой новогодней мишуры.

А красавица-весна радушно распахнёт дверцу моему новому лету.

Правда, ведь?

Да-да, так и будет!

А сегодня у меня уборка...

СВЕТЛАНА ДУРЯГИНА

Три возраста осени

Миниатюра

Ч.1. Медовый поцелуй

Начало сентября. Я на даче. Однажды постучали. Я открыл. Зеленоглазая девушка с янтарными волосами шагнула навстречу:

– Здравствуй, ты ждал меня?

От неё пахло яблоками.

– Да! Кто ты, милая? – прошептал я.

– Осень, – мелодично сказала она и поцеловала меня прохладными нежными губами.

– Не уходи! – попросил я.

Но она ушла, оставив вкус мёда на моих губах.

Ч.2. Музыка дождя

Она вернулась через месяц. Я едва узнал её. Передо мной стояла красивая женщина с тёмными, как осенняя вода в лесных речках, глазами. Огненные волосы рассыпались по плечам. Они пахли рыжиками. Монисто из калины украшало высокую грудь. Мы пили рябиновое вино у камина и ласкали друг друга под музыку проливного дождя. А утром она исчезла.

Ч.3. Холод предзимья

Я снова ждал, мучительно тоскуя. Смотрел в окно, залитое дождём. Хотелось выть, вторя унылому ветру. Чёрные руки деревьев стучали в стекло. На улице – ни души! И вдруг мимо дома медленно прошла сторбленая старуха с белыми прядями в растрёпанных пепельных волосах. Она взглянула на меня тусклыми, как ноябрьское небо, глазами. И холод предзимья ознобил мою душу.

НЕЛЛИ БОРОДЯНСКАЯ

Ворона

Огнями зажигает март
Сосулеч тающие льдинки,
И, как огромные снежинки,
На солнце яблони горят.

О чем-то рассуждая вслух,
Как будто важная персона,
У лужи топчется ворона,
И раздувает ветер пух...

С достоинством сложив крыла,
Любуется собою в луже
И каркает: «Похожа дюже
Я на двуглавого орла!»

А горстка робких голубей,
Как раболепные вельможи,
Курлычет, что весьма похожа,
Но величавей и мудрей...

С придворным трепетом бегут
Ультрамариновые тени
Ветвей изломанных сплетенья
На ослепительном снегу.

И блестящие капель с крыш летят,
И льдинок россыпи сверкают,
Ах, что за мысли навевает
Нам иногда насмешник-март!

Весна

Певчей пташкою крылья расправила
Средь ветвей, пробудившись, Весна,
И земля отогрелась, оттаяла –
Встрепенулась от долгого сна.

И цветы золотыми веснушками
Появились на лицах полей,
Закивали деревья макушками,
Принимая крылатых гостей.

В ласке солнечной лопнули почками
Узелки и глазки на ветвях –
И уже молодыми листочками
Шелестит ветерок в тополях,

Он целует березы несмелые –
И сережки от счастья дрожат...
А черемухи локоны белые
Излучают любви аромат.

Ундина

Жара. Июль. От солнечной улыбки
Вода прогрелась даже на глубинах –
Нырну в пучину, где цветные рыбки
Расскажут мне, как я была ундиной.

Напомнят, как скрывалась среди кораллов
Без кислородных емкостей и маски...
Да водолазов – дайверов бывалых
Безжалостно топила – для остротки.

Поведают мне скользкие мурены,
Моллюски, осьминоги да дельфины,
Как пела я тогда проникновенно,
На скалы увлекая бригантины...

Теперь я не такая, как когда-то –
Русалка из предшествующей жизни...
И у меня на берегу Эйлата
Все мысли о любви и гуманизме.

ЕЛЕНА ХАНЕН

Собиратель сплинов

есть в доме моём картины
подаренные друзьями
они их рисуют ночами
когда увязают в сплине

художником став на время
рисуют осенний вечер
бокалы с вином и свечи
смакуют печали бремя

а утром нелепой картина
покажется в свете ярком
и друг мой идёт с подарком
ко мне
собирателю сплинов

ЕЛЕНА ХАНЕН

Снег был белый

«Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? „Море было большое“. И только. По-моему, чудесно», – вот такую фразу сказал однажды Антон Пальч Чехов своему другу Ивану Бунину.

Всю ночь шёл снег, а утром я долго смотрела в окно, любуясь и одновременно подбирая слова для описания свежесвыпавшего снега. И вспомнила Чехова:

«Море было большое».

А снег какой?

Снег был белый. И хватит ломать голову – какой ещё. Потому что одно короткое слово может вмещать великое множество ассоциаций и образов.

Это так хорошо – не мельтешить многословием, а сказать только одно слово.

Белый.

И просто вникнуть. Созерцать неспешно, как японский сад камней.

Именно неспешно, и не расплываясь на многообразие, потому что эта пестрота и мельтешение, этот избыток информации есть настоящая беда нашего времени. Не буду уходить в тему, а то про болезни Альцгеймера и Паркинсона придётся сказать, а не хочется. Хочется вздохнуть облегченно и улыбнуться молча белому снегу.

Просто белому снегу.

Самая короткая ночь

Сегодня самая короткая ночь в году. Начитавшись японских трёхстиший хайку, долго не могла заснуть из-за круговерти зыбких картин – падающие листья на фоне бледной луны, лягушки, с плеском прыгающие в пруд, улитки, ползущие по склону Фудзи...

Странно: так мало слов и так много образов и смыслов, при том, что хайку не описывают вещи, а просто «дают имена» предельно простыми словами. Так, будто видишь всё впервые.

*Ива склонилась и спит
и, кажется мне, соловей на ветке...
это ее душа.**

Хайку – это краткий миг настоящего. Увидел – выразил, но сначала проникся сутью, став одним целым с природой.

*Долгий путь пройден,
за далеким облаком.
сяду отдохнуть.*

«Учись у сосны, что такое сосна, учись у бамбука, что такое бамбук», – говорил поэт странствий Басё.

*Как свищет ветер осенний!
тогда лишь поймёте мои стихи,
когда заночуете в поле.*

О, если бы я смогла понять истинный смысл хайку, не искорёженный переводом...

Вопли котов под окнами вернули меня из полусна в явь. Встала, распахнула окно и увидела чёрный силуэт

.....

* Все приведённые здесь хайку принадлежат Басё, поэту-страннику (1644-1694).

ВРЕМЕНА ГОДА

ели на фоне серо-сиреневого неба. Таяла самая короткая ночь года.

Как жаль, что здесь стою я, а не японский поэт-странник Басё.

Как жаль, что этот миг исчезнет, не пойманный в сети поэзии...

ТАМАРА ВИНЭР

Дольше жизни

*И дольше века длится день,
И не кончается объятье.*

Б. Пастернак

Линда убирала квартиру после новогодних праздников. Задёргивая шторы на окнах, выходящих во внутренний дворик, замерла от редкой нынче картины снегопада. Как из тёмного зрительного зала – премьеры медленного танца снежинок. И чёрная, оттого какая-то сиротская, земля становилась нарядной, радостной. И словно сверху Великий Режиссёр увидел это превращение, и по команде снег повалил быстрее, торопясь наверстать упущенное с осени. В окнах напротив тоже появились зрители. Забытое в Европе чудо природы: снег зимой!

Линда рассмеялась, вернулась к уборке. Рейнис пошёл выносить ёлку на свалку и вернулся раздражённый, сердито топтался в прихожей. Линда снова рассмеялась: ну, не любят австрийцы снег! Хотят пасторального «белого Рождества» и отпусков на лыжных склонах с настоящим, не искусственным, снегом. Но снег на улице – это неудобства! В бормотании мужа Линда разобрала не только чертыханье, но и имя Дитмар. Так зовут друга её све-крови Лауры.

Десять лет назад, когда они с Рейнисом впервые пришли познакомиться с его мамой, Дитмар тоже был приглашён. Линда приняла их обоих как сложившуюся пару, похожих друг на друга со временем супругов. Но Лаура растила сына одна: когда Рейнису было пять лет, его отец «сгорел» от рака. К матери сын относился с уваже-

нием, переросшим в нежную заботу. Кавалеры яркой Лауры оставались за пределами их квартиры.

В адвокатской конторе Лауры всегда интересно и домашнему отмечали и дни рождения сотрудников, и Адвент в преддверии Рождества, пока всех не охватывает паника закупок подарков. Летом выезжали встретить день летнего солнцестояния, и Рейнис любил встречаться с детьми маминых коллег. На один из адвентовских корпоративов кто-то привёл родственника, и знакомство превратилось в лиричную легенду.

Как Дитмар выхватил у Лауры из рук тарелку:

«Потанцуем?»

А танцевать хорошо умел только вальс и под все мелодии вальсировал. Как увёл её с вечеринки с богатым столом со словами: «Приглашаю вас на бокал вина». Упорно усаживал Лауру в машину с желанием довезти её до дома, и женщина уселась, потому что остановить этот натиск не было возможности.

Завёл двигатель, спросил адрес, и Лаура показала на тот же дом, из которого они вышли.

«Благодарю! Считайте, что подвезли!»

Офис находился в том же здании, что и квартира.

«Нет, ну так просто я не могу вас отпустить... Момент! У меня есть подарок!» – Дитмар открыл багажник и стал выкладывать Лауре в руки всё его содержимое.

Лаура в этом месте рассказа добавляла:

«Кроме запасного колеса! Мне перепадал огромный адвентовский венок со свечами, куда шире моего журнального столика, литр спирта...»

Дитмар: «Российский коллега одарил!»

Лаура: «...пакет деликатесов от Julius Meinl, все в подарочных упаковках..»

«...ну, это неважно, от кого».

Тот Новый год был непривычно громким в их доме от смеха и импровизированного концерта.

Дитмар: «Я не представлял себе, что можно так веселиться!»

Лаура: «Наконец-то моё новое платье оценит мужчина».

Рейнис: «И у меня может быть личная жизнь без чувства вины перед мамой».

Их с Линдой свадебные фотографии запечатлели для семейной истории и счастливых Лауру с Дитмаром. Они так и жили на два дома, но для всех были парой.

...В какой же момент Линда заметила, что свекровь не ждёт их дома с ужином, избегает общения?.. У молодых свои заботы. Но частыми стали громкие сцены по утрам выходных: кто-то трезвонил в дверь, Лаура выходила в коридор и возмущённо выговаривала. Когда стали недоумённо выглядывать потревоженные соседи, возмутитель спокойствия был впущен в прихожую. Дитмар! Он стоял, виновато опустив голову, с букетом в руках, а рядом горько рыдала Лаура. Она плакала навзрыд, обречённо, с недоумением: «За что?!»

За Дитмаром закрылась дверь, цветы умирали на полу тут же в прихожей, как умирала уже месяцы Лаура. Она говорила будто сама с собой, молодые подливали чай, коньяк, забирали из беспокойных нервных рук то нож, то вилку, усаживали обратно, когда вскакивала, словно вспомнив что-то неотложное.

«Я понять не могла, почему он в кафе или где бы мы ни были так часто отлучается в туалет. Ситуация деликатная, не переспросишь. Пока из женского туалета за стеной не услышала знакомый голос. Такой участливый,

проникновенный... Благодарил кого-то за покупку редких лекарств и заботливо спрашивал, как понравились новые журналы. Вышла я, как из ледяной воды: "Я всё слышала". И Дитмар даже с видимым облегчением признался, что женат, что жена больна, что часто лечится в клиниках, тогда и смог быть со мной... Ну, эту банальную историю можно во всех плохих мелодрамах услышать. Только на этот раз это плохое кино – про меня! Я же так любила, что просто места не было для сомнений: как можно мою любовь не ценить! И все истории про запасной вариант – это же не про меня... Это было до вашей свадьбы, он исчез с обещанием всё уладить и появился такой радостный, и я в этой эйфории летала. Вы сами счастливы были, и слава богу, и никто вашу свадьбу не омрачил. А у меня медового месяца не было: ночью я встала от шума в прихожей. Выглянула, а там ключ на брелке так покачивается, покачивается... Дитмар просто удрал».

Женщина снова расплакалась, на этот раз уже в истерике, повторяя про ключ, который всё качался, качался... Дети молчали, обнимая с двух сторон. Устав плакать, снова продолжила рассказ, и видно было, что ей это несёт облегчение. «Оказалось, жена улетела к детям в Канаду. И часто летала, вот тогда Дитмар и повторял, что он абсолютно свободный человек и как пусто в доме, когда вечером возвращаешься... В общем, весь банальный словесный набор, на который влюблённые дурочки попадают. Я просила оставить меня в покое. Но видите – во что превратились выходные в этот месяц. Ах, он просто хочет меня видеть!» Последние слова Лаура произнесла со злым сарказмом, глядя в сторону прихожей.

Родилась Каролин, и Лауру в её сорок три все принимали за маму, когда она забирала внучку из садика, а

затем из школы под выходные. Молодые уже жили отдельно, когда родился Матиас.

Дитмар не оставлял Лауру в покое, но и не разводился. Рейнис несколько раз наткнулся на стоящего у подъезда мужчину. Он уже не решался звонить – просто стоял наудачу: а вдруг увидит Лауру. Его обещания длиною в восемь лет можно было изложить кратко: «Мы заявление о разводе подали. Вот квитанция». Через месяц: «Жена тяжело заболела, ну не могу же я...» Через месяц: «Дети мне не простят, если я...» И дальше с небольшими лирическими отступлениями.

Лаура, прослушав эту словесную карусель пару раз, закрыла не только дверь в свой дом, но и в своё сердце. Оно болело, а от этих Великих Стояний под окнами рано открывалась снова.

Рейнис с Линдой проходили уже молча мимо мужского изваяния. Летом Дитмара выдавала длинная тень, как он ни прятался за колонной дома напротив. Глаза неотрывно следили за балконом Лауры. Зимой обходил дом вокруг, вслед за гаснущим или зажжённым светом в окнах на обе стороны. Внуки тоже знали дядю Дитмара, который так за бабушкой ухаживает, здоровались вежливо. Каролин, разглядывая презенты дяди Дитмара к Рождеству, которые тот оставлял под дверью, сложила ручки под подбородком и пропела: «Ах, это так романтично!» Если мужчине удавалось за кем-либо из жильцов попасть в дом, он оставлял ворох цветов, фрукты, книги. Но Лауру не отпускало видение, как он всё покупает в двух экземплярах, и она раздавала все презенты, не разглядывая их.

Философы рождаются от обездоленной судьбы.

Лаура вывела формулу, что виноваты не те, кто обманывают, а те, кто готов выслушивать эту ложь снова

и снова. Дитмар не мог спрыгнуть со своей жизненной карусели: сидеть уже неудобно, но так привычно. Не сумел сделать любимую женщину счастливой, но не видеть её хотя бы издали, на мгновение, тоже не мог.

Десять лет прошло. Рейнис сердито подошёл к окну, жестом показал на двор. Линда увидела на освещённой заснеженной площадке среди детей, выбежавших поиграть со снегом, мужскую фигуру. Она притопывала, голова поднималась к окну Лауры. Шапка упала, нашарил под ногами, снова глаза вверх, к освещённому окну. Там, за шторой, – движение. Значит, Лаура тоже глядит на него.

– Рейнис, это невыносимо уже. – Линда умоляюще посмотрела на мужа.

Подбежал Матиас, выглянул во двор.

– Вау, снег! Можно мы с Каролин пойдём играть? А это дядя Дитмар там стоит? А разве он не знает, что бабушки Лауры уже нет?..

Содержание

Светлана Романова: Вводное слово	5
Елена Ханен: Да, непроста тема...	6
Нелли Бородянская: Всем добра и мирного неба!	8
ЗИМА	
Полина Ярыгина	12
Марина Челаукина	14
Любовь Менчикова	16
Валерий Мазманян	18
Владислав Щербак	20
Анастасия Мартюшева	24
ВЕСНА	
Константин Белый	30
Юлия Березина	32
Дмитрий Бобылев	34
Екатерина Владимирова	36
Елена Колесникова	38
Марина Челаукина	40
Тамара Черемнова	42

ЛЕТО	
Константин Белый	48
Юрий Викторов	50
Екатерина Овсянникова	52
Галина Самусенко	53
Вадим Сергеев	55
Марина Туманова	57
Лэдас Ливна	59
Елена Сафиуллина	63
ОСЕНЬ	
Глеб Пудов	66
Анна Бабинцева	68
Наталья Колмогорова	70
Татьяна Бадакова	72
Светлана Дурягина	79
VIP	
Нелли Бородянская	82
Елена Ханен	85
Тамара Винэр	89

© Коллектив современных авторов
Литературный альманах «Времена года»

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-399-4

